

Шостакович Д. Д.
(нобиссе - 60 лет)

25.09.66

„СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ“

г. Кишинев

25 СЕН 1966

ДМИТРИЮ ШОСТАКОВИЧУ—60 ЛЕТ

МУЗЫКА МОГУЧЕГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дмитрий Шостакович... Едва ли творчество другого не менее крупного композитора вызвало такое обилие самых разноречивых отзывов и мнений, как музыка Шостаковича. Попеременно и одновременно, в самые различные периоды деятельности композитора музыка его служила объектом и восторженного преклонения, и ожесточенных нападок со стороны и исполнителей-профессионалов, и просвещенных любителей музыки, и самых обычных слушателей. Одного только никогда и ни у кого не вызывала его музыка — чувства скуки и холодного безразличия. В его аудитории не было людей нейтральных или

равнодушных. С каждым новым сочинением Шостаковича разность критических позиций определялась настолько очевидно, что атмосфера яростных споров и дискуссий долгие годы была постоянным спутником его деятельности. И лишь в последнее время благодаря развитию нашего музыкознания и повышению общего культурно-эстетического уровня утвердился справедливый и объективный взгляд на Шостаковича не только как на одного из ведущих композиторов современности, но и как на мастера, имя которого может быть с полным основанием поставлено в один ряд с именами корифеев прошлого, настоящего и — смею думать — также и будущего мировой музыкальной культуры. Нельзя не испытывать при этом законного чувства гордости за то, что этот художник вращен и сформирован нашим общественным строем, нашей советской эпохой.

Какие же свойства и качества искусства Шостаковича привлекают к нему внимание, чувства и мысли слушателей? Какая магическая сила звуков, вызванных к жизни композитором, заставляет, заставив дыхание, следовать за ним то по открытым, ясным и светлым путям, то по глубоким и сложным лабиринтам его всегда напряженной и страстной музыкальной мысли? Как соединить в едином человеческом сознании, например, об-

щедоступность и массовость «Песни о встречном» и «Праздничной увертюры» с трагическим пафосом и проникновенной философской лирикой многих его симфоний и квартетов?

Ответ на эти вопросы заключается в одном, в основной черте его творчества — глубиной, идущей от самого сердца человечности. С чем бы, в какой бы форме ни обращался к нам композитор — он всегда стремится доверительно беседовать с нами, терпеливо пролагая пути к взаимопониманию и душевному контакту. Наиболее показательны в этом смысле основополагающие сочинения Шостаковича в симфоническом и камерном жанрах, воплотившие в себе особенно ярко его индивидуальную творческую манеру. Здесь более всего заметно пристрастие автора к широкому, протяженному эмоциональным пластам, к постепенному и неторопливому развитию основных музыкальных образов. Отсюда — отказ композитора от декоративных красочных пятен и отрицание всякой украшательской мишуры. Не беспристрастное любовное чарующими слух созвучиями, а напряженное биение пылкой, ищущей мысли, выражаемой в четких графических формах. Ничего случайного, расплывчатого и неопределенного, только необходимое, конкретное и эмоционально существенное.

Благодаря этому партитуры Д. Шостаковича, внешне вы-

глядевшие предельно скромно и просто, на самом деле таят в себе огромные заряды сконцентрированной звуковой энергии. Но таят лишь до поры, до времени. Титанические вихри и взрывы его разработок и кульминаций мгновенно раскрепощают и выбрасывают на поверхность все до этого скрытое, исподволь накопившееся и с потрясающе-убедительной мощью обнаруживают новые качества, обнажают новые смысловые и эмоциональные грани. Шостакович — удивительный мастер трансформации, настоящий волшебник по части неожиданных превращений и модификаций первоначально избранного им материала. Но секрет этого мастерства заключается не в одной только виртуозности композиторской техники. Он — в диалектичности его мышления, в его особом художническом видении мира, позволяющем композитору отображать действительность во всем богатстве и разнообразии ее форм.

Эмоциональный диапазон музыки Шостаковича огромен. Его эстетический мир населен бесконечно разнообразными персонажами и явлениями. И мы, властно ведомые композитором по этому миру, вместе с ним страдаем и радуемся, возмущаемся и ликуем, издеваемся и торжествуем. Но над чем и во имя чего?

Воплощая в своих многочисленных произведениях большие и маленькие, личные и

общественные драмы, конфликты и столкновения, Шостакович — величайший музыкальный драматург нашего времени — потратил немало творческих сил на обрисовку и разоблачение всего уродливого и кошмарного, ужасного и трагического, что еще существует в действительности и мешает людям спокойно жить и трудиться, мешает строить дорогу в счастливое будущее. И как всякий большой художник, тонко чувствующий биение пульса времени, Шостакович с редкой пронзительностью направлял свой испепеляющий гнев, свою убийственную проию и едкий сарказм на главного противника, обретавшего под его руками реальную, почти конкретно-зримую форму. Так было, например, в эпизоде нашествия Седьмой («Ленинградской») и в двух скерцо Восьмой симфонии, где с разящей разоблачительной силой обрисована страшная, механически тупая гитлеровская военная машина. Но и раньше, когда война была еще далеко, по страницам ранних симфоний Шостаковича (Четвертой, Пятой и Шестой) уже бродили зловещие тени образов «мирового зла», в которых пока еще только угадывались неясные контуры будущего врага. И после — прошли уже годы, даже десятилетия со дня нашей великой победы, а композитор снова напоминал в Десятой и Тринадцатой симфониях, в Восьмом квартете,

что враг живуч, что он повержен, но не разгромлен до конца.

Означает ли это, что искусство Шостаковича по существу и в основном трагедию? Нисколько.

Выражая ли величайшую тревогу за грядущие судьбы мира, ополчаясь ли на все измешенное, отвратительное, бесчеловечное и смешное, Шостакович в то же время утверждает всем своим творчеством глубокую уверенность в конечной победе высоких этических принципов, в торжестве гуманизма. Потому-то в финальных разделах многих его сочинений, в том числе проникнутых пафосом жестокой, зачастую кровавой борьбы за человека и человечность, разливаются потоки и волны света — то мягко-приглушенного (Фортепьянный квинтет, Восьмая симфония), то празднично-игривого (Шестая, Десятая симфонии, Скрипичный концерт), то победно-ликующего (Пятая, Седьмая, Двенадцатая симфонии). Героическое начало в его творчестве тесно соседствует с трагедией и сатирой, возвышенное — рядом с низким, великое — рядом с ничтожным. В этом характерная особенность Д. Шостаковича как художника-мыслителя.

Будучи по складу своей природы художником глубоко русским, Шостакович не смог пройти мимо этапных моментов русской революционной истории. Отсюда, в относительно недавнее время, и произошел его поворот от трагико-философской лирики к темам героико-эпического размаха. Еще в пору творческой молодости жестоко осудив беспро-

светность жизни в царской России (опера «Катерина Измайлова»), Шостакович через «10 хоровых поэм на слова революционных поэтов» пришел к созданию двух симфонических монументов, посвященных нашему великому революционному прошлому. Две симфонии Шостаковича — Одиннадцатая («1905 год») и Двенадцатая («1917 год») — не только достойный вклад композитора к 50-летию Советского государства, но и пример нашей творческой молодежи, не всегда хорошо сознающей, как она обязана отцам и делам за беспрепятственную возможность жить и творить как подобает истинно свободному человеку.

Творчество Д. Шостаковича, совмещающее дерзновенное новаторство с принципами высшего реализмического искусства, оказало и продолжает оказывать громадное влияние на весь ход развития советской музыки. Не только ученики Шостаковича, но и большинство советских композиторов всех возрастов и поколений так или иначе подверглись воздействию его могучей творческой индивидуальности. Даже своим выходом на широкую мировую арену вся советская музыка в немалой степени обязана Шостаковичу.

Крупнейший мастер мировой музыкальной культуры, вдохновенный художник, борец, мыслитель и общественный деятель — таким предстает перед нами Дмитрий Шостакович в день своего 60-летия.

В. ПОЛЯКОВ,
композитор.